

ЮРИЙ ПОПОВ

ЧЕЛОВЕК, ПИСАТЕЛЬ, ДРУГ

«...Красивым был человеком.

Смешным великаном был». (Вл. Луговской)

Книжка небольшого формата в 365 страниц — вот все, что осталось друзьям и читателям в память о славном человеке и, несомненно, одаренном писателе—Владимире Саввиче Быховце. Мне бесконечно грустно говорить о нем «он был», «рассказывал», «писал» и даже сейчас—спустя пять лет после его смерти — трудно поверить, что нет его — отчаянного жизнелюбца, весельчака, заядлого спорщика, вдумчивого и строгого ценителя прекрасного.

Эти страницы не претендуют ни на подробное жизнеописание, ни на критический разбор произведений В. С. Быховца. Просто хочется рассказать о человеке и художнике, которого я знал.

Зимой 1952 года, когда я впервые встретился с В. С. Быховцем, у него, вероятно, уже возникла мысль сделать «Светлое поле» отдельной повестью, а не частью большой хроники о семье Багрянцевых, которая у него была задумана. В то время он собирал старинные казачьи песни, выписывал литературу по истории Кавказа, интересовался обычаями кабардинцев, черкесов, адыгейцев и других народностей. Не случайно «Светлое поле» насыщено песнями, пословицами и поговорками, речевыми оборотами, характерными для терского казачества.

Для написания каждой своей вещи Быховец проделывал такую большую работу, что вряд ли можно применить к нему слово «начинающий» даже в период работы над первой книгой. Его требовательность к себе, казалось, была безграничной. Придирчиво и взыскательно оценивал он художественные детали,

родившиеся в процессе писания, и если, у него возникала хоть тень сомнения относительно какой-либо сцены, он беспощадно выбрасывал из повести целые главы и писал заново. Он всегда писал, как принято говорить, «по вдохновению», но появлению вдохновения непременно предшествовала долгая и упорная работа. Например, летом 1954 года—в период работы над первыми вариантами повести «Город в степи» — мне пришлось помогать ему в составлении языковой карты Ставрополя, где были выделены районы распространения украинизмов, слов кавказских народностей и так далее.

Быховец никогда не стремился достичь пресловутого «местного колорита» засорением текста словами, распространенными только в одной местности. Меж тем действие всех его произведений — и опубликованных, и тех, которые мне доводилось читать в рукописях,— происходит в нашем крае. Это заметно сразу.

Он вообще не терпел слова «местный» в его уничижительном значении.

«Что значит «местный» писатель? — сказал однажды он.— Рангом ниже всесоюзного, что ли? А кого можно назвать всесоюзным? Алексей Толстой, Леонов, Паустовский — это прежде всего средняя Россия, Твардовский — Смоленщина... Или, чтобы стать всесоюзным, надо в Москве жить? Чушь какая! Такая терминология только халтурщикам на руку!»

Выше я упоминал, что Быховец мечтал написать большую хронику семьи Багрянцевых, главным героем которой должен был стать Олег Багрянцев — сверстник тех, кому в 1941 было 19—20 лет. «Светлое поле» по первоначальному плану должно было войти в хронику, как исторический эпизод — кстати, именно таким подзаголовком он снабдил первый вариант

повести. Далее, по замыслу автора, должна была следовать история детства и юности Олега Багрянцева—героя, во многом автобиографического. Сюда же должны были войти рассказы о судьбе братьев Олега — агрономов, садоводов, геологов, украшателей земли. Народ, украшающий землю, на которой он живет,— такова была основная мысль этой эпопеи. Она звучит уже в «Светлом поле». Герой повести Данила Багрянцев, о котором капитан Разумов сказал, что «...на Багрянцевых... вся Россия держится», мечтает «породнить» два сорта пшеницы. Но осуществить эту мечту суждено было его далекому потомку. Заканчивалась хроника Днем Победы над фашистской Германией. Но постепенно замысел Быховца изменился. Тотчас же после издания «Светлого поля» он стая работать над повестью «Город в степи» и написал около двадцати глав. Примерно третью часть написанного составляла история девочки Юни. Эту часть Быховец в конце 1957 года выделил в самостоятельное произведение. Он переписывал эту маленькую повесть около тридцати раз, желая добиться органического слияния пейзажа с действиями и характерами героев.

«В первую очередь мы черпаем понятие прекрасного из окружающего нас мира, из природы, — любил говорить он.— И рассказывать об этом мире надо так, чтобы страницы с описаниями природы не пролистывали поскорее, а, наоборот, перечитывались снова и снова».

Он очень любил траву, цветы, кустарники, деревья и относился к ним с благоговением. Однажды он всерьез разругался с одним товарищем, который ни для чего, просто так, сломал зеленую ветку. За это друзья называли его «язычником», и это была единственная шутка, на

которую он обижался. Такое отношение к природе обуславливалось всем складом его характера, умением замечать прекрасное там, где другие проходили мимо. Оттого так свежо, ярко и вместе с тем просто написаны у него пейзажи Кавказа. В них нет ни малейшего налета экзотичности, которую Быховец ненавидел.

Я много раз задавал Владимиру Саввичу бесполезный, но неизбежный для всех начинающих вопрос — как писать? В то время я носился с идеей какого-то огромного романа. Быховец очень внимательно выслушал меня, а потом сказал: «Рановато тебе братья за роман. Вот испишешь пять тысяч листов вещами поменьше — рассказами, например, — тогда пожалуйста».

Я не поверил, сослался на Шолохова. Через несколько дней после этого разговора Быховец прислал мне — тогда он работал в Орджоникидзе — вырезку из «Огонька», озаглавленную «Однажды»... На ней было помечено: «К нашему разговору».

«Однажды молодой композитор спросил Моцарта — как писать симфонию? Моцарт посоветовал ему начать с небольших вещей — баллад, песен.

— Но вы ведь написали свою первую симфонию, когда вам было четырнадцать лет! — воскликнул композитор.

— Да, но я ее у кого не спрашивал, как ее писать, — ответил Моцарт».

Запомнилось мне и его определение языка.

«Язык — инструмент писателя. Это выражение уже стало штампом. Но подумай — какой инструмент? Молоток, рубанок, сверло? Нет. Язык — инструмент музыкальный. А ты пишешь: «Ветер ворвался в дверной проем». Вр-др-пр — какие-то лошадиные звуки».

Из писателей он больше всего любил А. Толстого и А. Чехова. Слова последнего о «запятой и но», о жесте, предшествующем фразе, он часто повторял мне.

«Не понимаешь? — смеивался Владимир Саввич. — А говоришь: «Роман напишу»... — и переходя на серьезный тон: — Когда поймешь эту основную мудрость литературы — тогда у тебя и начнут получаться настоящие вещи».

Однажды он наглядно доказал, что я действительно не понимаю «основной мудрости литературы». В моем коротком рассказе Быховец вычеркнул три фразы и переставил одиннадцать слов. Несколько предложений он разбил точками и отдал рукопись машинистке. Когда рассказ был перепечатан, я не узнал его — так лаконично и убедительно он был написан. А Быховец весело хохотал и говорил: «Вот что такое жест!» По образованию он был кинодраматургом, и кино было его второй страстью, такой же сильной, как и литература. Иногда Владимир Саввич и грозненский оператор кинохроники Владимир Павлович Еремеев — их связывала большая творческая и человеческая дружба — ошеломляли меня совершенно невероятными заявлениями.

— Чехов был замечательным сценаристом, — говорил Быховец.

— Не только сценаристом, — подхватывает Еремеев, — но и режиссером, и оператором.

Я не верил, пытался спорить. Они тут же наугад брали какой-нибудь рассказ, делали раскадровку и, чтобы окончательно убедить меня, составляли монтажный лист. Один такой лист сохранился у меня до сих пор — это «обработка» чеховского «Егеря».

После выхода «Светлого поля» В. П. Еремеев написал на Быховца такую эпиграмму:

Я вам пишу, чего же боле,

Мне это службой суждено,

Однако, «запятая, но»

Душа моя вся в

«Светлом поле»

И лишь отдушина — в кино.

В кинематографическом наследии Быховца нет сценариев художественных фильмов, но и документальные сценарии убедительно говорят о необычности его дарования. Мне хочется рассказать здесь только об одном фильме, в котором В. С. Быховец был автором сценария, а В. П. Еремеев — оператором. Этот фильм и по настоящее время демонстрируется не только на всесоюзном, но и на зарубежном экране — он приобретен странами народной демократии, Индией, Китайской Народной Республикой и многими другими государствами Ближнего и Среднего Востока.

Фильм построен очень просто — у подножия Казбека съемочная группа пускает в Терек — еще узкий и неглубокий — кораблик-путешественник с надписью на парусе, сделанном в виде кинокадра: «Казбек-Каспий». Так и назван фильм. Кораблик отправляется в путешествие по Тереку через четыре республики. Его «экипаж» — киносъемочная группа — снимает берега. И хотя на экране не возникает никаких фантастических кинотрюков, все сорок минут, которые длится фильм, зрителя не покидает ощущение сказочности. Все очень просто, все, «как в жизни» и вместе с тем — все чудесно!

Не следует думать, что этот фильм — лакировочный. Там показаны и упущенные возможности, а порой, — например, спуск отходов нефтепереработки в реку Сунжу — и прямая бесхозяйственность. И все же этот фильм о другом — о красоте людей и их труда. Быховец и здесь верен своей теме — прославлению украшателей земли.

Очень обидно, что в книге «Земные радости» Быховец-кинатографист совершенно не представлен. Сначала это вызывает недоумение, а потом становится

грустно — неужели книжное издательство и краевое отделение Союза писателей считают издание произведений умершего писателя личным делом его семьи? Все, что узнавал В. С. Быховец, — а он был жаден до новых знаний и обладал прямо-таки прозорливым любопытством — так или иначе находило отражение на страницах его книг.

Однажды я рассказал ему о факеле «Гостиница» на Озек-Суатском нефтяном месторождении. Так назвали этот факел шоферы, потому что в любую погоду около него было тепло и сухо. Особенно поразило Быховца то, что под факелом всю зиму цвели степные тюльпаны и фиалки. Он очень долго и подробно расспрашивал, однако ничего не записал. И мне подумалось, что он забыл об этом. Но в 1959 году, приехав в Затеречный для съемки телевизионного фильма о нефтяниках, он прочел мне двенадцать глав романа «Земные радости», который начинался описанием факела-гостиницы.

Быховец знал множество сугубо специальных вещей и мог своим умением и талантом так преображать их, что они удивляли, как первооткрытия. Такими первооткрытиями изобиловала его книга «Город в степи», которую он почти закончил, но потом начал переделывать и выделил из нее маленькую повесть «Юня».

Многие, знавшие В. С. Быховца, считали его беззаботным, ничего не принимающим всерьез. Такое впечатление возникало потому, что он был человеком огромной энергии и непобедимого, всеокрушающего оптимизма. Неистощимый на всевозможные «розыгрыши» и шутки, знавший бесчисленное количество историй, которые вызывали гомерический смех у слушателей, — он неизменно был душой любой компании.

Быховец не успел осуществить даже малой части своих планов. У него был задуман киносценарий о судьбе

первой дагестанской поэтессы, роман «Вода живая и мертвая» — о двух направлениях в русской гидробальнеологии, большая повесть «Возмужание», в которой предполагалось показать Олега Багрянцева на войне, воспоминания о своем учителе, замечательном мастере советского кино А. П. Довженко...

Книжка небольшого формата в 365 страниц — вот все, что оставил друзьям и читателям Владимир Саввич Быховец. Я уверен, что она недолго залежится на полках магазинов и библиотек, что Быховец — человек, писатель, украшатель земли — станет близок и дорог сотням и тысячам людей, с которыми он не успел подружиться и о которых не успел написать.